

ОКСАНА БЛАШКИВ (OKSANA BLASHKIV)
Естественно-гуманитарный Университет в г. Седльце
Гуманитарный факультет
(Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach
Wydział Humanistyczny)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИПЕТИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ УКРАИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО РОМАНА

Historic Vicissitudes Through the Prism of the Ukrainian Academic Novel

The article focuses on the literary interpretation of historical events from early 1990s taking place in Ukraine. The turbulent 1991 appears in Stanislav Rosovetsky's novel *The Revenge of the Printer* (Помста Першодрукаря, 2009) as the identity crossroads for the Ukrainian nation, paralleled by the similar situation in late 16th century. Although the novel may be perceived as the historical adventure novel, the author views it through the prism of the academic novel. Initially set in the research division of the Ivan Fedorov Museum in 1991 and in the times of Ivan Fedorov in the 1590s, the novel addresses contentious questions, like the role of intellectuals in the times of political change, the notions of national and academic identity throughout time and geopolitical space.

Keywords: the academic novel, history, *The Revenge of the Printer*, Stanislav Rosovetskyj, Iwan Fedorowicz (Ivan Fedorov) the Printer

В англо-американской прозе 1950-х годов сформировалась жанровая разновидность – академический (университетский) роман. Его появление в мировой литературе связывают с выходом произведений *The Masters* Ч.П. Сноу (1951) и *Lucky Jim* (1954) К.У. Эмиса. Вопрос об особенностях академического романа как художественной целостности занимает заметное место в современном литературоведении. При этом внимание ученых, обращающихся к данной проблеме, сосредоточивается, в основном, на произведениях английских или американских авторов. В этих литературах академический роман полностью сформировался еще в середине минувшего столетия, в славянских же странах произведения названного жанра не создавались вплоть до конца XX века. Следует отметить, что в литературоведении закрепилось положение, что в других национальных литературах (не в британской, не в американской)

академические романы представлены единичными текстами, потому нельзя утверждать, что в данных культурах эта жанровая разновидность развилась как самостоятельное формообразование. В таком контексте следует упомянуть произведение русской писательницы И. Грековой *Кафедра* (1978). Книга в свое время (особенно после выхода на экраны в 1982 году одноименного фильма режиссёра И. Киасашвили) остро поставила перед общественностью, как академической, так и широкой, ряд насущных проблем высшей школы и университетского образования в СССР. В том же 1978 году в Польше вышел роман Е. Качуровского *Замок*, который польские литературоведы относят к академическому роману (Kraskowska 2008). Однако подобных текстов, написанных в славянских литературах в последующие десятилетия XX века, найти не удалось. Малочисленность произведений названной жанровой разновидности привела к тому, что славянский инвариант академического романа практически не изучался.

В польском литературоведении попытку объяснить причины отсутствия такой жанровой разновидности романа в современной национальной литературе сделала исследовательница Э. Красковская (Kraskowska 2008). В том же ключе написал статью *Отражение кампуса* литературовед Гж. Филип (Filip 2014). Работа К. Сидовской *Польская университетская повесть* своим названием утверждает, что произведения с академической тематикой представлены в польской литературе (Sidowska 2015). Исследовательница обозначила определенные перспективы в изучении университетского романа как в польской, так и в других славянских литературах. Проанализировав эстетические особенности двух текстов – *Недолго* И. Ивасюв (2012) и *Сто дней без солнца* В. Шостака (2014) – К. Сидовская пришла к заключению, что польская литература создала и может предложить мировой литературе интересные образцы академического романа. Однако пока не удалось найти исследований литературоведов других славянских стран, посвященных этой жанровой разновидности, хотя произведения, которые определяют как «университетские» в них имеются. В польской литературе к этому подвиду относят также два романа Т. Липного: *Барокко* (2006) и *Курляндский троп* (2007), *Брюссельская миссия* (2008). В словацкой литературе – *Университет* Э. Эрделого и М. Вадаса (1996), *Katedra paupológie* О. Бакоша (2001), повесть *Временные наблюдения* и *Эксцентрический университет* С. Ракуса (2008). В украинской литературе обращают на себя внимание повесть *Диссертация* (1989) В. Тарнавского, романы *Университет* (2007) и *Калейдоскоп* (2009) И. Иосипова, роман *Месть Первопечатника* С. Росовецкого (2009), роман *Дрозofiла над томом Канта* А. Днистрового (2010).

Литературоведы часто объединяют англоязычные произведения, написанные в жанре академического романа, в одну традицию, но они, на наш взгляд, имеют национальные различия, обусловленные историко-культурными реалиями данных стран, а также особенностями развития

английской и американской систем образования. Ученые справедливо называют одним из мощных импульсов интереса к университетскому роману в английской культуре тот факт, что эти учебные заведения имели и имеют особую значимость в политической, научной, образовательной, культурной, экономической жизни британского общества (Бандровская 1999). Американская культура, в свою очередь, ориентирована, преимущественно, на социально-профессиональный уровень университетской подготовки. Академические романы, созданные писателями США, акцентируют внимание на изображении широкого спектра переживаний, характерных для научно-педагогического сообщества и его членов как представителей среднего класса (Williams 2012, 581).

Формирование академического (университетского) романа в славянских литературах было связано с политическими и социокультурными процессами в этих странах в последнее десятилетие XX века: распад Советского Союза и Варшавского блока, что повлекло за собой переоценку роли и статуса университетского преподавателя и ученого в изменяющемся постсоветском, постсоциалистическом мире. Не менее важным условием формирования этого вида романа в названных литературах, очевидно, стала эстетическая практика постмодернизма, который «пришел» в культуры восточной Европы, особенно постсоветского пространства, несколько позже – в последнее десятилетие минувшего века. Постмодернизм с его неприятием канонов и литературными играми, как и постсоветское время с его отрицанием прежних незыблемых авторитетов, при других социо-экономических и культурных обстоятельствах могли породить интересные примеры университетской прозы, однако в конце XX века, как было отмечено выше, этого не произошло. Становление академического романа в славянских литературах совершается «здесь и сейчас». В украинской литературе академические романы появились в первое десятилетие 2000-х годов. Эти произведения представляются интересными и требующими исследования явлениями еще и потому, что они так или иначе затрагивают и отображают переходной период в истории страны, смену эпох в общественной и культурной жизни.

Цель статьи – обратить внимание на жанр университетского романа в славянских, в частности, – в украинской литературе; проанализировать особенности отображения исторических событий, культурного, социального, личностного бытия в академическом романе *Месть Первопечатника* С. Росовецкого.

В исследованиях современных литературоведов по-разному определяется термин «университетский /академический роман». В английском языке существует несколько названий, используемых учеными для обозначения этой жанровой разновидности: “the campus novel”, “the college novel”, “academic novel”, “the vasily novel”. Литературоведы нередко употребляют также термины, предложенные исследователем Р.Г. Карамом: “Professorroman”, “Studentenroman” (Gruszevska-Blaim 2012, 21). Такую

градацию академических романов поддерживает и Дж. Дж. Уильямс. При этом исследователь предлагает дифференцировать романы, фабулы которых связаны в первую очередь с жизнью студентов (называет их «университетскими романами» (the “campus novels”), и романы, фабулы которых разворачиваются вокруг жизни профессоров («академические романы» (the “academic novels”) (Williams 2012, 561). Дж. Е. Крамер, автор аннотированной библиографии американских романов, касающихся университета, предложил следующее определение жанра – “the college novel”. В нем акцентируется внимание на место художественного действия. В интерпретации Дж. Е. Крамера «университетским» романом (“the college novel”) можно назвать развернутое эпическое повествование, в котором, во-первых, одна из американских институций высшего образования является важной составляющей его места художественного действия, и, во-вторых, главные персонажи в них – студенты-бакалавры или студенты-магистранты, преподаватели, представители администрации, университетского персонала (Kramer 1981, 2004). Действие «академических романов» очень часто выносится за пределы кампуса. Интересно отметить, что события, отображенные в «университетском романе», редко касаются процесса обучения студентов, в них действие сосредоточивается, прежде всего, на их частной жизни. Внимание читателей этих произведений акцентируется на разнообразных проблемах практической и академической деятельности профессоров, но, в основном, на их личном бытии и быте. При этом образы преподавателей и их «жизненного мира» нередко представлены в сатирическом контексте (Showalter 2005; Womack 2005).

Образ университета в академическом романе, как правило, изображается как «микрокосм общества в целом». В нем действуют те же принципы, двигательные силы и конфликты, что руководят жизнью всего человечества. С другой стороны, этот образ воссоздается в таких романах как «закрытый мир». В нем персонажи существуют и действуют в соответствии со своими внутренними нормами и ценностями, которые, в свою очередь, создают бесконечные возможности для интриг (Showalter 2005, 3). Исследовательница Дж. Росен утверждала, что основная проблема, поднимаемая в университетских романах, – проблема власти (Rosen 1993). Их персонажи, представляющие профессию, поддерживают идею «сообществ, закрытых для непосвященных». Эти герои конкурируют между собой в борьбе за власть в университете. С. Далтон-Браун считает, что герои академических романов «намеренно помещены в когнитивно суженную среду..., чтобы продемонстрировать ограничения, наложенные на интеллект в академическом мире» (Dalton-Brown 2008, 592). Проанализировав текст романа К.У. Эмиса *Lucky Jim* (1954), эта исследовательница выделила характерные черты, определяющие, по ее мнению, эстетические параметры художественного мира университетских романов, а именно: 1) протагонист в них представлен сатирически; 2) образы второстепенных персонажей – карикатурными; 3) университет

изображается как место интриг, требующее смекалки, сообразительности и хитрости, чтобы выжить в нем; 4) герои-преподаватели поставлены перед проблемой выбора между духом и разумом, долгом и желаниями; 5) традиционный финал: профессор или побеждает своих недругов, злопыхателей, антагонистов и остается в университете, или, будучи побежденным, покидает его. Пользуясь предложенными С. Далтон-Браун маркерами, мы и проанализируем образ украинского ученого, изображенного в романе С. Росовецкого (преподавателя Киевского Национального Университета им. Т. Шевченко, доктора филологических наук, профессора, автора научных работ, в том числе и о русской прозе 17 века, фольклористике) *Месть Первопечатника*.

В названном произведении присутствуют две сюжетные линии. Они четко маркированы исторически. Первая разворачивается в 1991 году, ее главным героем является доктор наук и старший научный сотрудник Музея Ивана Федорова во Львове грузин Шалва Булатович Буквиани. Вторая связана с образом гуманиста-просветителя Ивана Федорова (создал первые на Украине печатные книги *Апостол*, *Букварь*, *Острожская Библия*, на которой сегодня украинские президенты приносят клятву в день своей инаугурации) – в конце 16 века. Связаны эти две линии моментом извлечения останков Ивана Федорова из места его захоронения в Онуфриевском монастыре во Львове, который мистически заставил проснуться дух Первопечатника, заговоренного в свое время тремя заклинаниями. Он несколько столетий оставался в своем гробу, не мог отправиться ни в рай, ни в ад. Дух Ивана Федорова находится в ожидании снятия заговора и наблюдает за событиями, происходящими вокруг Музея в и его сотрудников в 1991 году, а когда «засыпает» – видит «сны» о перипетиях своей жизни и разнообразной деятельности. (Отметим, что во львовском *Апостоле* первопечатник поместил послесловие *Повесть ... откуда начася и како свершился друкарня сия*, которое фактически является первым произведением мемуарной литературы, напечатанным на Украине).

Фабульное время романа С. Росовецкого – историческое время: лето 1991 года, время путча и провозглашения независимости Советскими республиками, Украиной в том числе. Одни из основных тем, которые автор внимательно прописывает, – события в деятельности Музея Ивана Федорова во Львове и в жизни единственного доктора наук, ученого-книговеда, работавшего в музее, Шалвы Булатовича Буквиани. Не случайно автор обратился в романе к образам грузина, проживающего во Львове, занимающегося исследованиями славянского книгопечатания и его жены Нонны Потаповны, кандидата наук (ее диссертацию фактически написал Шалва Булатович), преподавателя русского языка как иностранного. Кафедра, на которой работала Нонна Потаповна (кафедра русского языка как иностранного), под влиянием новых исторических обстоятельств была переименована на кафедру украинского

языка как иностранного, но в ее работе ничего принципиально не изменилось. Супружеская чета преподавателей и научных работников – образец классического советского варианта интернациональной семьи, которая во многом должна была служить примером той части населения страны, что была более консервативна и закрыта, не поддерживала смешанные браки. То, что грузин Шалва Булатович занимался исследованием истории славянской культуры, служило развитию науки в том русле, которое было необходимо советскому государству: поддерживало идею интернациональности в СССР. Кроме того, такой ученый своими изысканиями, по мнению официальных институций, способствовал бы более высокой объективности научной работы, поскольку национальное достояние одной из республик автоматически считалось культурным достоянием всего Советского Союза и взгляд, так сказать, со стороны способствовал бы всесторонней оценке этого общего достояния. Отметим, что национальность и научная деятельность Шалвы позволяет ему смотреть на происходящие в Украине, в частности, на Западной Украине, изменения в данный конкретный исторический момент (переходный) с определенной дистанции, претендующей на объективность. Таким образом, абсурдность событий, осуществляющихся в реальной жизни и изображаемых в континууме романа, получают в произведении реальное объяснение и обоснование: взгляд со стороны.

Один из главных топосов книги С. Росовецкого – Онуфриевский монастырь, в котором находился с 1975 года Музей Ивана Федорова. Учитывая историю развития университетов, уходящую корнями в средневековую церковную/монастырскую школу, пространство Онуфриевского монастыря (при котором исторически была школа и типография с 1602 г.), на наш взгляд, может считаться характерным для академического романа «университетским топосом». В штат научных работников музея входят Шалва Булатович, доктор исторических наук, научный руководитель аспирантки Ларисы, блондинка Ирочка (Ирина Степановна Дымер), секретарша Аллочка, археолог Вася (Василий Панасович), экскурсовод Витя Пощенко, Владислав Янович Домонтович. Заведует этим музеем некий Петр Петрович Сапогов, который, «имел к науке руководящее отношение: типичный провинциальный номенклатурный работник, он до музея руководил лучшим в области банно-стиральным комплексом» (Росовецкий 2009, 10). Раскопки могилы Ивана Федорова (подписывал свои печатные работы «Федорович», и так же его называет автор романа) производятся Васей, который повреждает останки при извлечении и складывает их в обычный ящик – красноречивый факт, свидетельствующий об уровне профессионализма археолога. Этот ящик с останками Ивана Федорова будет сопровождать научных работников Музея в их «мытарствах» по городу в сложное и важное для страны время – лето 1991 года. Наблюдают за раскопками не только работники Музея, но и представители спецслужб, а также «новоизбранного национали-

стического главы города Билогуза» (Росовецкий 2009, 6). Эти две ранее противоборствующие структуры представляют в данный исторический момент один общественный строй, в котором соединились, с одной стороны, советский (кэгебистский), определявший существование науки и культуры до этого момента, и антикоммунистический, националистический, только устанавливающийся, утверждающий себя как противоположность предыдущего. Перед представителями этих государственных структур, а также перед присутствующими при раскопках научными сотрудниками стоит пока еще неосознанная задача – как «переписать историю» в духе сегодняшних изменений и определить свое место, найти себя в этой новой исторической парадигме. Каждый персонаж решает эту задачу по-своему, включая и дух Ивана Федоровича.

Эпизод раскапывания могилы печатника *Острожской Библии*, на которой украинские президенты дают клятву в день инаугурации, имеет огромный символический смысл, поскольку отражает возрождение идеи независимости Украины из праха минувших веков. Далекое прошлое предстает перед читателем через события последних лет жизни Ивана Федоровича. Эти эпизоды связаны также с проблемой выбора пути, по которому далее пойдет страна или точнее православный мир (речь идет и о 16, и о 20 веке; в романе С. Росовецкого события прошлого постоянно отзываются в настоящем). Именно для всего православного мира собирался печатать Иван Федорович Библию. Дерманский монастырь (на Волыни) в 16 веке был одним из его форпостов: «православный монастырь, звездений стовпами православья князями Острозькими» (Росовецкий 2009, 18). Иван Федорович был назначен его управителем Василием-Константином Острожским, «славным военначальником Речи Посполитой, воеводою киеским, маршалком земли Волынской, старостой владимирским» (Росовецкий 2009, 12). Затем первопечатник жил в Остроге. Одним из заданий Федоровича на службе у князя было печатание полной славянской Библии. Деяние, которое князь Острожский поддерживал и финансировал.

Иван Федорович предстает в романе *Месть Первopечатника* как человек открытый к другим верованиям (католицизму, лютеранству), утверждающий силу книжного слова, личность, которой руководит желание дойти до тайны понимания Святого Письма и сделать его доступным всем желающим. Он – волевой, энергичный, интеллектуальный человек. Эти черты героя, а также присущее ему ощущение полноты бытия, связанное с научной, практической, книгоиздательской и другими видами активной деятельности, с мирскими наслаждениями, соотносят его образ с деятелями эпохи Возрождения, которыми Иван Федорович искренне восхищался. Для него границы страны (княжества, королевства) были довольно условным понятием, как, очевидно, и его собственная национальная идентичность. Представляя Ивана в Дерманском монастыре, князь Острожский перечисляет: «рожден в Красноставском уезде, носитель герба Шренява, краковский бакалавр, носитель первого

священнического сана в православной церкви и славный печатник заезжий» (Росовецкий 2009, 20). Дело его всей жизни – славянская Библия – была призвана объединить весь славянский мир и одновременно включить славян в европейское культурное пространство, открыв для славян все книги из Святого Письма:

Ні, все ж таки велику справу зібралися вони з князем Константином звершити, і якщо вдасться їм задумане, такий собі Миколка зможе прочитати будь-яку книгу Біблії зрозумілою йому мовою – якщо дуже захоче, звичайно (Росовецкий 2009, 61).

Тем не менее, Иван Федорович, хотя и не возражает открыто против повеления своего покровителя передать римским книгопечатникам славянский шрифт, в идею объединения церквей он не верит. Князь Острожский, напротив, видит в таком слиянии многообещающее будущее:

Адже ми з тобою живемо тепер /.../ не в ті зовсім уже нечувані часи, коли українці та польські протестанти ходили в похід допомагати гуситам славного Яна Жижки відбиватися від німців-католиків... Тепер в країні хазяйнує орден єзуїтів, а ми православні, разом із протестантами перетворилися на дисидентів (слівце ж бо яке!) у власній країні, вбатьківщині нашій. Я для себе питання це так розв'язав: «втовкмачили ви мені, панеове, що живу я у вільній країні - от я і вдаю, що вам вірю, і живу як людина вільна! Але ж не всі тут можуть собі таке дозволити. Ось їм, більшості православних князів і шляхти, тим, котрі не бажають переходити до католицизму і сполячуватися, ось їм унія може допомогти - якщо виторгувати в папи й короля рівні з католиками права для православних, які перейдуть до унії. /.../ Але якщо нормальна освідчена людина сьогодні у вірі широка, то государі та держави бачать у релігії тільки - пробач мені, Господи! - зброю політичної боротьби (Росовецкий 2009, 133).

Пламенная пафосная речь князя, созданная С. Росовецким в стиле гоголевского Тараса Бульбы, должна была убедить Ивана Федоровича в правоте мыслей князя. Но идея компромисса с католиками книгопечатника не прельщает, хотя сам он, как известно из биографии Федоровича, получал образование в Кракове, к книжкам своим заказывал гравюры у немцев-лютеран, вел длинные беседы с Шимоном Будным из Будного, который в 1574 году Библию на польском языке напечатал. В Предисловии к данному изданию Будный не обошел вниманием Ивана Федоровича. Князь Острожский в романе *Месть Первпечатника* утверждает:

Ми живемо в дивній країні-примарі. Запитай француза, що таке Україна, - і виявиться, що він у кращому разі знає про Польщу та про Московію, а про Україну не знає. Запитай у поляка, що таке Україні, - і він скаже, що це східна околиця Польщі. Запитай у московіта, що таке Україна, - і він тобі пояснить,

що це Мала Русь, частина Русі, що страждає під владою поляків і що там живуть такі самі руські, як і на Московській або Великій Русі. Піди в Україні на село та запитай у перших-ліпших дядьків, хто вони такі, - вони скажуть, що русини, що православні або що просто люди.

... Але країна ця нещасна, Україна, водночас приречена стати вододілом між Європою та Азією. Вона й зараз уже такий вододіл. Глянь на польського гусара - це європейський лицар, а вершника-московита з вигляду не можна відрізнити від татарина. А ми хто є, ну хоч би ми з тобою, Іване? Подивися на мене, подивись в люстро... одягнені ми як європейці, а в душі хто ми є? (Росовецкий 2009, 134-135).

Отметим, что речь князя Острожского о геополитическом положении Украины между Европой и Азией и вытекающих отсюда государственных, экономических, правовых, культурных и проч. последствиях для страны касается в равной, или даже в большей степени, тех реалий и персонажей романа С. Росовецкого *Месть Первопечатника*, что связаны с событиями 1991 года. Однако такого панорамного видения важности исторического момента и его потенциала для дальнейшего развития государства не имеет никто из персонажей произведения, живущих в 20 веке: ни научные работники, ни номенклатурщики, ни новоиспеченные политики, ни представители спецслужб. Все они пекутся только о субъективно-личностных потребительских интересах.

Готовность нового головы города Билогуза передать Онуфриевский монастырь братьям Василианам грозит Сапогову лишением директорского места, поэтому он соглашается на кадровую комиссию, которая определит состав теперь уже Научно-исследовательского института истории украинского книгопечатания Академии наук. Благодаря этой комиссии и «новым» критериям, в музей, который переносят в помещение Научной библиотеки Национальной академии наук, остались только «нужные» для Сапогова люди: Шалва Булатович, Ирочка, бывший экскурсовод Витя и временный работник Абрам Вольфович Ризниченко, принятый на место Исаака Гофмана, специалиста по фронтисписам и заставкам в старинных книгах.

Шалву Булатовича Сапогов оставляет для того, чтобы он написал кандидатскую диссертацию Ирочке, на которой директор хочет жениться (под веяниями времени Сапогов решил изменить свою фамилию на более по-украински звучащую – Сапогив). Директор требует от Шалвы Булатовича также, чтобы ученый написал и для него диссертацию, но уже докторскую, поскольку заведующий должен быть доктором наук. Сапогов стремится в будущем использовать ученое звание с положительным результатом исключительно для себя, для своих благ. Для него, как и для других персонажей романа, ценностью является именно диплом как ступенька в карьерном росте, а не статус специалиста с глубокими разносторонними знаниями и высокой научной квалификацией.

Шалва Булатович – єдинственный среди работников Музея, казалось бы, профессионал, эксперт в области книгопечатания, что подтверждает его ученая степень доктора наук, а также его «подработка» в университете руководителем кандидатской диссертации. Однако, ни его научная деятельность, ни политическая сознательность, ни личная жизнь не укладываются в ожидаемый эталон ученого, а вот в сатирический образ «советского ученого» весьма. Тему диссертации своей первой аспирантки Ларисы он определил так: *Воплощение традиций московского «Апостола» (1564) Ивана Федорова и Петра Мстиславца во львовском «Апостоле» (1574) Ивана Федорова*, то есть тема эта фактически – псевдонаучна. Во времена романтических отношений со своей аспиранткой Ларисой он пишет и дорабатывает нужные для ее защиты статьи, а когда та выходит замуж за иностранца и собирается переехать в Германию, подписывает ей хорошую рекомендацию для дальнейшей учебы на славистике во Фрайбургском университете. В политике Шалва Булатович отстаивает, хоть и несколько наивно, патриотические идеи. Он называет Ларису «крысой, бегущей с корабля», в то время как Лариса характеризует складывающуюся на Украине политическую ситуацию как простую замену одной мировоззренческой риторики другой – противоположной первой, но, по сути, идеологической болтовней. Будущее она видит так:

Україна відділиться, тому що пости, які займають сьогоднішні комуністичні господарі, стануть тоді на порядок вищі, та й контролю Москви позбудуться, красти стане вільніше. Всі органи управління розбухнуть, щоб було куди прилаштовувати родичів і приятелів нових господарів. До країни впустять війська НАТО; все, що тільки вдасться, продадуть західним монополіям; у Києві Хрещатик переіменують на вулицю Степана Бандери; церкви передадуть уніанам і католикам; російські школи закриють, за російську мову виганятимуть із роботи (Росовецкий 2009, 31).

Причина такого отношения Ларисы к происходящему связана, очевидно, с легкой и быстрой сменой мировоззренческих принципов ученых-соотечественников, еще вчера воспевающих коммунистическую партию и ее доктрину, а сегодня – националистическую политику:

Ось кричать про «самобутність», пхають цю «самобутність» скрізь, куди тільки можна. Щодо економіки – не знаю, можливо, Росія і справді нас об'їдає, але в культурі на порозі XXI століття – це просто нісенітниця. Залишитися в музиці з самим тільки Лисенком, у філософії – зі Сквородою? Без Шекспіра і Толстого обійдемося, тому що в нас є Шевченко? Відправляв ти мене на конференцію до Києва, так там якийсь Хведір Кислий доводив, що як драматург Микола Костомаров вищий за Шекспіра, тому що краще втілив принцип історизму – і хоч би хто слово проти сказав! Професором стане – хочеш такого колегу, Шалво? (Росовецкий 2009, 32)

Для себя аспирантка Лариса такие компромиссы с совестью считает невозможными, хотя еще недавно псевдонаучная тема ее кандидатского исследования, как и сама работа над ним, отнюдь не самостоятельная, не вызывали у аспирантки ни моральных, ни профессиональных неудобств, поскольку будущая защита диссертации сулила хорошую личную карьерную и материальную перспективу. Тем не менее, оппортунизм (или же рациональное восприятие событий вокруг) Ларисы – только капля в постсоветском научном море 1990-х годов. Персонажи романа (работники Музея украинского книгопечатания) являют яркие примеры потребительского отношения к профессиональной деятельности. Научный маятник в их случае качнулся прочь от предыдущих «требований времени» в направлении «ожидаемых», но мнимых требований, что соотносилось, по представлениям работников Музея, и с западными критериями развития науки и образования. И хотя Лариса, казалось бы, осознает существование этой коллизии, свой собственный выезд за границу она не трактует как выбор исключительно в пользу собственной комфортной, обеспеченной жизни в будущем.

Начальство Музея под влиянием процессов переходного времени решило обратиться к Президиуму Верховного совета Украинской ССР, министру культуры республики, а также к главе областного совета депутатов с просьбой о «восстановлении исторической справедливости»: ликвидировать Музей Ивана Федорова как центр, посвященный человеку, «не имеющего ничего общего с историей украинской культуры» и на самом деле выполняющим функцию «памятника русификации Украины» (Росовецкий 2009, 44). Шалва Булатович, понимая абсурдность данного обращения, сделал попытку отрезвить своих коллег, но ему дали понять, что с начальством тягаться не имеет смысла, а, кроме того, преобразование Музея Ивана Федорова в Научно-исследовательский институт истории украинского книгопечатания Академии наук откроет новые перспективы перед институцией и ее работниками. Таким образом, в данной ситуации Шалва Булатович оказывается единственным патриотом, защитником музея, и ученым, выбравшим сторону «исторической правды», а не ультрамодным тенденциям и веяниям. Однако, ни Музей, ни себя Шалве Булатовичу защитить не удастся. Герою приходится принимать очень трудное решение тогда, когда его позиция уже не старшего, а младшего научного сотрудника новообразованного Института книгопечатания оказывается под угрозой из-за честолюбивых планов Петра Петровича Сапогова. Директор мечтает о защите докторской диссертации, которую должен написать Шалва; о написании Буквиани кандидатской для Ирочки, будущей супруги Сапогова и сегодняшней любовницы и любви всей жизни Шалвы Булатовича. Не будучи в состоянии отказать Сапогову из-за угрозы увольнения, но и не намереваясь уступать бывшему директору стирально-банного комплекса, Буквиани решает его убить. Но даже в этом Шалва оказывается

несостоятельным. За неудачной попыткой покушения, следует глубокое покаяние героя (он обращается к вере предков, начинает читать религиозные тексты на грузинском языке), которое, однако, длится недолго. Перспектива, предложенная его женой Нонной Потаповной, провести остаток жизни в деревне, отрезвляет и возвращает к действительности, пусть неприглядной, Шалву Булатовича.

Беспомощный, нерешительный человек и несостоятельный ученый, так и не ставший профессором, Буквиани олицетворяет советских интеллектуалов, которые, не сделав так сказать «правильный» выбор, не приспособившись к реалиям сегодняшнего дня, оказались за бортом научного сообщества и современной жизни. Этот образ в романе С. Росовецкого представлен с большой долей иронии и сатиры, но все же он несет и отпечаток драматизма из-за его несостоятельности перед лицом истории, переживающей кризис духовности. Напряженность момента, обусловленного политическими обстоятельствами, в данном случае усугубляется и общекультурными факторами: на смену книгопечатанию приходит информационная эра, а со сменой книги как главного медиума, воспитывавшего и формировавшего человечество на протяжении тысячелетий, приходит «цифра», что неминуемо до неузнаваемости изменит мир навсегда. В этом новом континууме не только ценности советского ученого и советской идеологии станут устаревшими. На первый план выйдет такое умение работать с информацией, которое ориентируется на новоявленные медиа и глобализированный мир, а в нем история будет представлена не через нагромождение и объяснение фактов, а через создание новых нарративов (историй). Для Шалвы Булатовича, очевидно, такая научная деятельность будет неосуществимой.

Итак, в романе *Месть Первопечатника* С. Росовецкого местом действия является музей, а не университет. Однако этот музей ни в чем не уступает вузам, которые изображаются в традиционных университетских романах, отсутствием академических свобод, интригами и трудностями выживания в нем. Особенно четко эти черты проявляются в момент реформирования Музея, происходящего в 1991 году, во время политических изменений в стране – распада Советского Союза и провозглашения независимости Украины. Отметим также, что в произведении *Месть Первопечатника* речь идет, в основном, не об университетских профессорах, но его образы-персонажи прописаны в лучших традициях академического романа и с большой долей иронии или сатиры (характерная черта названных произведений). Так же, как и в американских университетских романах, один из протагонистов произведения С. Росовецкого Шалва Булатович – единственный в этой структуре доктор наук и старший научный сотрудник Музея, стоит перед дилеммой: пойти на компромисс с новой властью или остаться верным своим принципам и уйти из данной институции. Шалва Булатович, как

типичный персонаж академических романов (несостоявшийся ученый), свою научную пассивность замещает сексуальной активностью на работе, но не настолько, чтобы кардинально изменить устоявшийся алгоритм своей жизни. Даже дух Первопечатника понимает, что Шалву Булатовича ждет скучное существование (без открытий, без славы, без искренней любви женщин). Шалва Булатович – образ постсоветского интеллектуала, который был не в состоянии работать на старый режим согласно навязанных ему строгих канонов и требований, но и не состоится он ни как «лихой перформансист», ни как «посол на Западе» (классификация украинских героев-интеллектуалов, предложенная исследователем М. Андрейчиком). Ему остается роль «больной души» – интеллектуала, утопающего в унынии и алкоголе (Андрейчик 2012).

Фабульное время академических романов – современность. Эта особенность их текстов позволяет специалистам по истории педагогики трактовать академические романы как художественные исследования определенных этапов в развитии конкретных университетов или высшего образования страны в целом. В этом смысле роман С. Росовецкого является примечательным литературным произведением. В нем ярко отобразились изменения, затронувшие сферу гуманитарных наук в Украине 1990-х годов: осознание учеными, образованными людьми своей национальной идентичности и постижение на этой основе личных профессиональных сверхзадач и заданий. Отметим, что некоторые персонажи романа решают эти проблемы в континууме двух исторических эпох: конца 16 и конца 20 веков.

Иван Федоров (как и его современники, упомянутые в романе) – историческая личность, но о его жизни известно крайне мало. Например, нет достоверного объяснения причин переезда Федорова из Московии во Львов в 1470-х годах, как и мотивов его путешествия по Европе десятью годами позже, перед самой смертью. Идентичность Ивана Федорова в советские времена не вызывала сомнений. Исследователи его биографии исходили из собственной подписи первопечатника – «Московитин», которая трактовалась как «русский». Каждому школьнику в СССР Иван Федоров был известен как «основатель книгопечатания в России и на Украине, гуманист-просветитель и выдающийся деятель на поприще отечественной культуры». В произведении С. Росовецкого он предстает Иваном Федоровичем, русином, который пользуется именем «Московитин» исключительно для утверждения авторства напечатанных им книг. Его идентичность, как и подавляющего большинства незнатных жителей Европы того времени, определяется религиозной принадлежностью. Отметим, что в это же время представители знати на протяжении собственной жизни, исходя из разных причин, могли по нескольку раз менять вероисповедание, и нередким явлением было сосуществование представителей разных конфессий в одной семье, в одном роду (Н. Яковенко). Вот почему князь Острожский был уверен,

что помощь Первопечатника католическим книгоиздателям не означала б для Ивана Федоровича измену его религиозным убеждениям. Однако, по версии романа С. Росовецкого, в этой ситуации, на самом деле, победила практичность и дипломатичность Ивана Федоровича. Он не отказывается от своего оригинального плана издать славянскую Библию для «православного мира», он просто принимает факт некоторой задержки его реализации и ищет альтернативные пути финансирования проекта, который считает правильным и важным.

Образы Шалвы Булатовича Буквиани и его современников – плод воображения писателя. И хотя Музей Ивана Федорова на самом деле был реальной институцией, находящейся с 1975 года в помещении Онуфриевского монастыря во Львове (здесь покоился прах Первопечатника, пока его не потревожили археологи¹), названные персонажи – собирательные образы советских ученых, живших в момент распада СССР. До сих пор их идентичность определялась политической принадлежностью к советскому народу и членству в Коммунистической партии. Последним Шалва Булатович ни разу не похвастался, но, наверное, имел отношение, поскольку научное продвижение часто было прямо сопряжено с активной политической позицией соискателя научной степени. Его жизненная и академическая биографии еще более занимательны благодаря тому факту, что Шалва Булатович – грузин, приехавший во Львов изучать историю славянского книгопечатания. Дабы не возвращаться в далекую грузинскую деревню, утвердиться в науке, он долго и упорно работал. Настойчивый труд позволил со временем Буквиани перебраться с задворок города, где селились приезжие, в центр Львова, где проживали местные интеллигенты. Шалва стал львовским интеллигентом. Во времена распада Союза он оказывается единственным ученым в Музее Ивана Федорова, отстаивающим здравый смысл в науке и украинское культурное наследие. Его героизм не эпичен, а скорее комичен. Он проигрывает противостояние, но принимает свое поражение стойчески как ученый, мужчина и человек своей эпохи.

Таким образом, через историю Ивана Федоровича автор романа *Мсть Первопечатника* отразил целые пласты европейской, славянской, украинской истории, касающиеся не только предыдущих веков, но и современных этапов развития украинской науки, причем разных ее отраслей – археологии, истории, литературы, религиоведения, политологии, культуроведения, книгопечатания. Отображая, казалось-бы, обыденные проблемы, с которыми сталкиваются научные сотрудники Музея Ивана Федорова, С. Росовецкий в своем произведении поднимает проблемы гораздо более важные, чем «заклятие духа Ивана Федорова» или «переселение Музея Первопечатника». Наиболее яркими среди них представляются проблемы

¹ Перезахоронение останков состоялось только в 2014 году. Они были идентифицированы с помощью польских ученых из Вроцлавского университета.

(научной) интерпретации истории и культурного достояния во времена геополитических изменений, а также роли ученого-интеллектуала в ключевые моменты истории. Проблемы встающие все более остро во всем мире во времена «текущей современности».

ЛИТЕРАТУРА

- Andryczyk Mark: *The Intellectual as Hero in 1990s Ukrainian Fiction*. Toronto 2012.
- Dalton-Brown Sally: *Is There Life Outside of the Genre of the Campus Novel? Academic Struggles to Find a Place in Today's World*, "The Journal of Popular Culture" 2008, 41/4, p. 591-600.
- Filip Grzegorz: *Zwierciadło kampusu*. <https://prenumeruj.forumakademickie.pl/fk/2014/02/zwierciadlo-kampusu/> [dostęp: 11.08.2017].
- Gruszewska-Blaim Ludmiła: *Amerykańska powieść akademicka z duchem kotki w tle*, „Acta Humana” 2012, nr 3, s. 19-36.
- Kramer J.E.: *The American College Novel. An Annotated Bibliography*. New York 1981.
- Kramer J.E.: *The American College Novel. An Annotated Bibliography*. Lanham, Maryland, and Oxford 2004.
- Kraskowska Ewa: *Dlaczego lubimy czytać powieści uniwersyteckie, a nie lubimy ich pisać?*, „Pogranicza” 2008, nr 2.
- Rosen Janice: *The University in Modern Fiction: when Power is Academic*. London 1993.
- Showalter Elaine: *Faculty Towers. The Academic Novel and Its Discontents*. Philadelphia 2005.
- Sidowska Karolina: *Polska powieść uniwersytecka*, „Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria Polonica” 2015, 4(30). <<http://docplayer.pl/34241836-Polska-powiec-uniwersytecka.html>> [dostęp: 11.08.2017].
- Williams J. Jeffrey: *The Rise of the Academic Novel*, “American Literary History” 2012, 24/3, p. 561-589.
- Womack Kenneth: *Academic Satire: The Campus Novel in Context*, in: *A Companion to the British and Irish Novel 1945-2000*. Ed. Brain F. Shaffer. Oxford: Blackwell Publishing 2005, p. 326-339.
- Бандровская Ольга: *Творчість Девіда Лоджа і англійський університетський роман 70-80-х рр. ХХ ст.* Автореферат дис. На здобуття ступеня канд. філол. наук. Львів 1999.
- Росовецький Станіслав: *Помста Першодрукаря*. Київ 2009.